

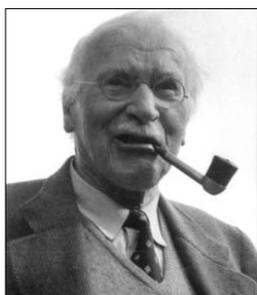

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ

(перевод с английского Алексея Лисогора)

Часть II ЛЕКАРЬ

Душа у меня старая-престарая. Когда мне было 15 лет, уже тогда школьные друзья стали называть меня «Авраамом». А человеку очень важно иметь именно старую душу, ведь мы всегда сохраняем в себе отголоски того своего неземного бытия, того своего состояния, когда мы знали все и вся [1].

Вступление

Первый психолог эры new-age, так до сих пор величается К. Юнг, а вся его работа характеризуется как «...психодуховное заявление, прогрессивно объясняющее аниму человека, которая, сознает он это сам или нет, целиком заполняет его, окружает и направляет» [2].

В категорически резкой форме отмечая любые попытки навесить на него ярлык «мистика», К. Юнгу неоднократно приходилось подчеркивать, что он «... обыкновенный эмпирик, работающий строго в пределах естественной науки».

«Обыкновенный эмпирик»

* Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. – № 2. – С. 233–247; № 3. – С. 239–247; № 4. – С. 219–237; 2008. – № 1. – С. 232–242.

Во главу угла своей аналитической психологии он ставил индивидуационный процесс человека, называемый по-другому «становлением как личности» или «самореализацией».

«Человек – носитель жизни, что само по себе крайне важно, но первостепенное значение все же имеет его развитие и совершенствование, поскольку каждому из живущих людей просто жизненно необходимо стать своей собственной интелекцией и затем превратиться в то, чем она была в самом начале» [3].

Идея индивидуации как процесса внутренней саморегуляции личности

Индивидуация – это процесс внутренней саморегуляции, при котором человек становится полноценной личностью, не только сознающей все свои пределы и возможности, но и живущей по максимальному их использованию. Во время этого процесса личность сталкивается, в конечном счете, с гораздо более грандиозной чем оно само силой, уступая давлению которой начинает всецело служить ей. Вот благодаря чему люди осознают заключенную в их бренном теле духовность и наравне со своим сознанием воспринимают и все подсознательное.

«Индивидуация означает не одно лишь только то, что по своим духовным возможностям человека уже ни в коем случае нельзя сравнивать с животными, но также подразумевает еще и то, что ему следует достичь своей божественной сути. На практике же это означает, что ему нужно достичь той зрелости и ответственности за свое существование, при которых он ясно будет осознавать, что не только зависим от Бога, но и что Бог тоже зависит от него» [4].

Целостность как завершенность, но не совершенство

К. Юнг постоянно подчеркивал, что говоря о целостности, он подразумевает прежде всего завершение ее строительства, а не совершенствование.

«Стиль интегрированный, полностью скроенный и ладно сбитой личностью – уже одна эта задача настолько трудновыполнима, что никто и не смеет ставить людям помимо этой другие цели, вроде дальнейшего, вплоть до самого идеала, совершенствования. Так, к примеру, психиатр, по аналогии с любым терапевтом из обычной поликлиники, который вовсе не надеется (он даже вообще не думает про это!) вылечить своего простуженного больного до состояния здоровья космонавтов, тоже не мечтает настолько сильно промыть мозги своим пациентам, чтобы отныне они жили бы безгрешными святыми. Зато он будет весьма удовлетворен, если породит в их душе – да и в своей тоже – сносно сбалансированную и более-менее здравую личность, неважно как далекую от совершенства. Нам следовало

бы, прежде чем очертя голову бросаться в погоню за идеальным совершенством, сперва научиться жить самыми обыкновенными людьми, по-простому, без всякого там самоискажения. И если же кто-либо из вас, построив свою личность, достигнет этого весьма скромного результата еще полным сил и энергии, то пусть его греет мысль, что дальнейшие свои успехи на этом поприще он уже запросто может делать как святой» [5].

Участие в «Школе мудрости»

В 1921 году он посещает Германию, где по приглашению своего друга Каунта Германа Кайсерлинга, организовавшего там своеобразный лекционный клуб «Школа мудрости», выступает перед широкой аудиторией, являвшей собою эклектическую смесь представителей самых разных отраслей науки, включая психиатрию, философию и антропологию.

Ольга Фройн фон Кениг-Фохсенфельд была одной из слушательниц клуба.

«В той буквально наэлектризованной интеллектом и чуточку модной по тому времени атмосфере все звучащие с трибуны лекции своими передовыми идеями и новыми поставленными вопросами не оставляли равнодушным никого из нас. Но все же особенное впечатление на меня произвело выступление доселе неизвестного мне Карла Юнга, поскольку его слова необычайно резко контрастировали с рациональным интеллектуализмом других ораторов, по крайней мере, мне так казалось. Не отводя от него восхищенных глаз, жадно ловя каждое слово, я слушала его с открытым ртом, а внутри все ходуном ходило от пугающего меня чувства нереальности происходящего: «Вот это да! неужели все это правда, что говорит этот “сорвиголова”?»

Когда же под занавес работы клуба я вновь увидела Юнга, похожего в своих невероятно широких шароварах и в небрежно сдвинутой на затылок кепке на типичного деревенского бугая – и это в нашем-то расфранченном светском обществе! – то поняла: “Если ТАКОЙ человек может ТАК говорить, то все сказанное им просто должно являться правдой!” Именно вот эта приземленность Юнга стала для меня самой твердой гарантией правдоподобия его психологии» [6].

Первобытные культуры

Остро желая взглянуть на европейскую цивилизацию со стороны, К. Юнг предпринимает серию экспедиций по наиболее глухим уголкам Земли, по которым не

Поиск культур вне европейской цивилизации

Фото сделано Тони Вольфф. Юнг в «крестьянской» кепке на семинаре в Свондже, Англия, 1925.

Отпечаток руки Юнга.
На отпечатке руки читается и необыкновенная физическая сила, и неиссякаемый творческий потенциал

Открытие психологии европейского человека через познание первобытных культур

ступала еще нога европейца, где ничего не слышали о христианстве, а первоочередным идеалом считался вовсе не рациональный интеллект. Особенно яркие и на десятилетия незабываемые впечатления дали ему две поездки в Африку.

Вспоминает Генрих Фирц, отец которого сопровождал К. Юнга в путешествии по Александрии:

«Едва они сошли на берег, как откуда ни возьмись к ним подскочил хиромант и предложил каждому узнать по ладоням судьбу. <...> Юнгу же он сказал <...>:

– О, да Вы один из тех немногих великих людей, которых мне посчастливилось повстречать на своем веку. Больше мне нечего Вам сказать.

Правда, через миг он, улыбнувшись, договорил:

– Великим и друзьям великих – бесплатно, – и конечно же, получил вознаграждение» [7].

О своих путешествиях К. Юнг оставил красочные свидетельства:

«Осмотрев Тожур, отправились к Нефтскому оазису. <...> На своих “лошадях” – крупных быстроходных мулах – мы весьма скоро двигались к этому достопримечательному месту. По дороге нас обогнал одинокий всадник, с ног до головы закутанный во все белое. Величаво восседая на своем черном муле, богатая упряжь которого позвякивала чеканным серебром, не поздоровавшись и даже глазом не поведя в нашу сторону, он с гордо-надменным видом проплыл мимо нас и стал удаляться, составляя с животным одну целую выразительную фигуру, и я поневоле залюбовался им. Да, здесь живут люди, которые вне всяких сомнений следят за реальным временем по своим наручным часам, а не хранят его в карманных брекетах в недоступной за пазухе. Человек здесь без всякой ложной скромности ясно осознает свою сущность и остается той личностью, какой всегда является. В здешних людях нет и намек на ту граммольку дурашливой глупости, которая так прочно прилипла к европейцам. Ведь европеец действительно убежден, что он уже не тот человек, каким был века назад; но, к сожалению, не догадывается, в кого же на самом деле превратился он с тех самых пор. Если бы он соизволил достать глубоко запрятанные в карман часы и взглянуть на них, то понял бы, что начиная прямо с эпохи Средне-

вековья время и его брат-близнец прогресс безвозвратно что-то крадут у него. Но он, не замечая, что ноша-то за плечами сильно облегчилась, идет посвистывает своей дорогой, все убыстряя шаг, к каким-то смутным заоблачным целям. Потерю груза и соответствия *sentiment d'incompletude* он компенсирует иллюзией своего триумфа – ну как же, пароходы, поезда и самолеты с ракетами! – хотя на деле они лишили его долговечности и перенесли в другую реальность – реальность сумасшедших скоростей и бешенных ускорений.

Чем глубже мы углубляемся в Сахару, тем все отчетливее время замедляет свой ход для меня; в какой-то степени даже боюсь возвращения обратно к прежнему ритму» [8].

Осознание европейца как «высокотехнологичного дикаря» и «интеллектуального варвара»

Находясь в Сахаре, он прекрасно узрел, что за «определенную степень своеволия и предписанную цель» европейцы баснословно заплатили «яркостью и глубиной жизни», что рационалисту «...чуждо многое из того, что называется человечностью». Лишившись в итоге жизнеспособной энергии, они высвободили на волю самые примитивные части души, до этого надежно запертые в глубине себя. Такого вот ущербного европейца К. Юнг опишет как «высокотехнологичного дикаря» и «интеллектуального варвара». В Северной Африке же его всюду окружали люди, жившие «... на несколько порядков ближе нас к жизни» и ставившие во главу своего существования эмоции.

Индийский вождь Очуэй Бьяно, с которым он встретился во время своего путешествия по Таосу (шт. Нью-Мексико, США), тоже все очень просто и доходчиво объясняет К. Юнгу:

«Бледнолицые всегда чего-то хотят, всегда неугомонны и беспокойны»

«– *Посмотри, – сказал мне Очуэй Бьяно – как ужасно выглядит бледнолицые. Губы их тонки, носы острые, а лица испещрены морщинами и бугрятся складками. Глаза всегда прищурены, а сами вечно что-то ищут. Что они ищут? Бледнолицые всегда чего-то хотят, всегда неугомонны и беспокойны. Мы не знаем, чего они хотят. Мы не понимаем их. Мы считаем их сумасшедшими.*

Я попросил его объяснить, почему он считает всех белых сумасшедшими.

– *Они говорят, что думают головой, – спокойно сказал он.*

– *Ну да, – удивился я такой причине. – А вы что ли нет?*

– *Мы думаем здесь, – с достоинством ответил вождь, показав ладью на сердце.*

Его слова заставили меня надолго призадуматься. Впервые в своей жизни – по крайней мере тогда мне так показалось – я повстречал человека, нарисовавшего мне самый реалистичный портрет человека с белой кожей. <...> Этот индеец, ткнув всех нас прямо в самое уязвимое место, снял тем самым с наших глаз шоры, из-за которых мы были слепы к этой безжалостной правде. <...>

Осознание хищничества колонизаторства и миссионерства

Что со своей стороны мы называем колонизацией, миссионерством, насаждением цивилизации и т.д., в другом ракурсе выглядит совсем по-другому – так кругами парящая в высоком небе хищная птица с неумолимой настойчивостью высматривает уже обреченную жертву – пиратством, разбоем на большой дороге. <...>

Помолчав, вождь продолжил:

– Американцы хотят уничтожить нашу веру. Почему они не считаются с нами, почему не разрешают нам верить? Ведь все, что мы делаем, мы делаем не только для себя одних, но ради американцев тоже. Вообще для всего мира. Каждый человек только выигрывает от нашей веры.

От меня не укрылось, с каким волнением он говорил эти слова и я понял, что индеец коснулся самого откровенного. Чтобы удостовериться, я осторожно переспросил его:

– Ты хочешь сказать, что ваша вера идет на благо всему миру?

– Конечно! Если мы не будем верить, что тогда станет с миром? – ответил он с необыкновенным воодушевлением и многозначительным жестом протянул руку к солнцу. <...>

– Мы живем высоко в горах, на самой крыше мира. Мы – сыны Солнца и своей верой мы каждый день помогаем своему отцу восходить на небо. <...>

Знания уводят от мистического мира, в котором человек чувствует себя как дома

Теперь мне стало понятным, на чем зиждилось чувство собственного достоинства и спокойное хладнокровие личности индейца. <...> В свете космологии жизнь его племени очень многозначительна: ежедневно помогая своему отцу Солнцу восходить на небо, они вплоть до самого заката охраняют и оберегают всю его дневную жизнь. <...> Позавидовав белой завистью этому Indians haivete и вымучив из себя жалкое подобие улыбки, мы опять, поневоле нацепив на себя умный вид, закичились своей развитостью – не сделай мы так, то мигом бы обнаружили, как обнищали мы и какими жалкими стали на фоне этого индейца. Знания вовсе не обогатили нас; они только еще далее уводят

Очарование первозданностью экваториальной Африки

нас от мифического мира, в котором по праву рождения мы некогда чувствовали себя как дома» [9].

Экваториальная Африка очаровала К. Юнга на всю жизнь. Находясь там практически в первобытных условиях в окружении, по его же собственным словам, «божественного покоя», он все явственнее ощущал в себе, как возбуждаются в нем и шевелятся «древнейшие знания», впоследствии полностью осознанные им при созерцании первозданно-девственной природы равнины Ати Плейнс близ Найроби.

«У меня просто дух захватило от этого величественного зрелища: насколько хватало глаз, вплоть до самого горизонта тянулись бесчисленные стада газелей, антилоп, зебр, бородавочников и прочих диких животных. Пощипывая травку и мерно качая головами, они словно разноцветные реки медленно протекали с места на место. А над всеми ними – почти звенящая тишина, нарушаемая лишь редкими протяжными криками парящих в синеве стервятников. Безмолвие вечного начала... Перед моими глазами расстился вечный мир, мир времен сотворения и мир небытия, когда никто еще не знал, что этот мир будет миром человека. <...>

Осознание космического смысла сознания

*Стоя на этой равнине, я всем нутром осознал космический смысл сознания <...> Когда в невидимом акте творения в человека была вложена жизнь, мир получил свое объективное существование, а на его боку засияла печать совершенства. Приписывая этот акт обычно одному Творцу, мы воспринимаем жизнь как некий безупречный спроектированный механизм, чья работа вплоть до самого последнего винтика рассчитана уже наперед, и который в паре с душой человека будет автоматически действовать по предписанным заранее правилам. В таком вот иллюзорно-унылом часовом механизме жизни нет места драме человека, миру и Господу, нет никакого “нового дня”, приводящего к “новым горизонтам” – все подчинено неумолимому течению запрограммированных процессов. Мне вспомнился мой индейский друг, считавший, что *raison d’être* его племени состоит в ежедневной помощи своему отцу. Солнцу пересекать все небо с востока*

на запад. Тогда я позавидовал его такой непоколебимой и полновесной вере, не найдя мифа в нашей собственной. Теперь же я нашел его здесь и понял, что человек незаменим для завершения творения, что он по сути со-творец мира» [10].

Боллинген

Юнг в Боллинген.

О зажигании фонарей, накачивании воды, резке дерева, разжигании огня и приготовлении пищи Юнг говорил: «Эти простые действия делают человека проще».

Строительства дома
как убежища

К. Юнг решил сотворить себе нечто вроде убежища – задумал воздвигнуть для себя второй дом, отображавший бы его внутреннее естество. Таким убежищем стал Боллинген, стилизованное под средневековую крепость с башенками здание, построенное им в 20-ти милях от дома в Кушнате на берегу озера близ окраины Цюриха. Воплощенное в молчаливом камне, оно наилучшим образом располагало к уединению и одиночеству, в котором он так нуждался. Самую первую башню он соорудил вскоре после смерти в 1923 году своей матери, после чего на протяжении тридцати двух лет пристраивал к ней новые секции. Над входной дверью шла выбитая им в комнате надпись: «Святылище Филемона, покаяние Фауста».

«Едва лишь я переступал порог Боллингена, как сразу же с ног до головы меня начало обволакивать чувство покоя и возрождения, символизировавшее для меня материнское чрево <...>, в котором я опять становился тем, кем был, кем есть и кем буду <...> Здесь я был самим собой и жил настоящей жизнью. Здесь испарялись мои года и я жил <...> личностью №2 <...>, неподвластной течению времени <...>

Собственноручно выложив печь с камином, а вечерами зажигая “летучие мыши”, я прекрасно обходился без электричества. Водопровода тоже не было – таскал воду из колодца. Рубил дрова. Готовил нехитрую еду. Такие вот простые действия и человека упрощают, но как же трудно быть простым!

«Жил в прекрасной
гармонии с природой»

В Боллингене, в окружавшей меня повсюду хрустальной тишине я жил в прекрасной гармонии с природой. Здесь мысли всплывали на поверхность из самых придонных глубин, унося меня на столетия назад или же предвосхищая далекое будущее. <...>

Здесь перед моими глазами <...> проносилась в вихре вся бесконечная жизнь, здесь вечное приходило в бытие и уносилось дальше» [11].

Метафоры

Мифы как метафоры, описывающие психические процессы и развитие личности

Размышления К. Юнга становились все более глубокомысленными. Разработав концепции мифологии, архетипов и совокупного подсознания, он соединил их друг с другом. Мифы – это метафоры, «описывающие психические процессы и развитие», которые «... соединяют нас с инстинктивными основами нашего бытия». Мифические идеи прослеживаются во многих мифологиях и сказках у самых различных народов мира, а еще «...в снах, видениях и фантазиях что у нормальных, что у психически больных людей».

Если мифологизированный интеллект представляет из себя, как правило, «бесполезные размышления», то эмоции – «целительно-обоснованную деятельность», которая «гораздо точнее передает жизнь, чем любая наука», и позволяет нам жить намного ближе к природе, чем получилось бы, живи мы по придуманным законам этики.

«Этическое братство, не имеющее за душой ничего мифического и не возбуждаемое никакой архаично-инфантильной движущей силой, – чистейший вакуум, что никогда не сможет выявить в человеке ни малейшего следа той волевой животной мощи, что движет перелетной птицей через море...» [12].

Более того, как писал К. Юнг, мифическая жизнь требует от человека «... выхода из своих привычных пределов», а ее символический язык дает просто «... невообразимое духовное познание того образа, той формы, в которой она выражается».

«Миф раскрывает в человеке божественную жизнь. Не мы выдумали миф – он говорит с нами как Слово Бога» [13].

«Архетипы <...> не интеллектуальная выдумка. Они всегда жили, порождая в подсознании человека такие процессы, какие очень похоже генерируют непосредственно уже сами мифы. То есть этот росток, из которого выросла раскидистая крона могучего дерева под названием «мифология». Мифология – это просто драматическая инсценировка серии образов-метафор, взятых из жизни архетипов» [14].

Как биологию нельзя представить без живого тела, так и подсознание мертво без архетипов. Архетипы формируют из себя структуру совокупного подсознания, дополняющую и дублирующую в душе совокупное сознание.

Исторические дубликаты

Несмотря на то, что К. Юнг развил все эти свои идеи практически в полной изоляции от профессио-

Символический язык мифа дает человеку духовное познание мира

Архетипы как структура подсознания

Поиск культурных параллелей

нальной науки тех дней, все же потихоньку он начал находить в ней параллели своим мыслям и взглядам. Восьмилетнее изучение раннехристианских гностических текстов показало ему, что гностики тоже «... сталкивались с первобытным миром подсознания и работали с его содержанием». К сожалению, его не устраивало, что между отдельными текстами существовали огромные пробелы, да и сам временной промежуток в 1800 лет между XX веком и датой написания Библии не очень-то способствовал наведению мостов к этим полусомнительным источникам.

Но вот наступает 1928 год. Востоковед Ричард Вильгельм присылает К. Юнгу средневековую рукопись по китайской йоге и алхимии, озаглавленную «Тайна золотого цветка», попросив его в сопроводительном письме написать на это древнее предание свой психологический комментарий. Как впоследствии говорил сам К.Юнг, он «... и не мечтал получить когда-либо такое мощное подтверждение своим идеям».

Природа архетипа
и первобытные
метафоры

«Читая этот исторический “дубликат” своей психологии подсознания, я постоянно спотыкался и буквально немел от восторга, поскольку возможность сравнения с алхимией и с ничем не прерываемой интеллектуальной цепью, протянувшейся вплоть до самых истоков гностицизма, наконец-то давал моей психологии обоснованную сущность. Когда я, досконально изучив это бесценное писание, перевернул последний лист, в моей голове все окончательно прояснилось: все мои фантазийные образные метафоры, весь собранный на практике эмпирический материал и все сделанные на его основе выводы – все это встало на свои места. <...> Типичный характер мифов стал теперь мне куда более понятен, чем раньше, когда я только-только приступил к их исследованию. Природа архетипа и первобытные метафоры отныне заняли центральное место во всей моей исследовательской работе. <...>» [15].

Несколькими годами раньше алхимия уже как-то попробовала однажды в одном из снов К. Юнга заявить о себе во весь голос, но в то время смысл увиденного сна остался ему недоступным. Взвзвись ныне за расшифровку символики алхимических манускриптов XVI–XVII веков, он увлекается этой работой более чем на десятилетний срок. Помимо всего прочего алхимия тоже старалась докопаться до сути многих психологических вопросов, не последнее место среди которых занимали взаимоотношения Бога с человеком, проблема союза противоположностей и прочие.

Подсознание как вечный динамический процесс

«Только после глубокого ознакомления с алхимией до меня дошло, что подсознание представляет из себя вечный динамический процесс, и что душа у человека трансформируется и развивается как раз через взаимоотношения его с содержимым подсознания. В частных случаях такую трансформацию запросто можно прочесть по снам и фантазиям человека. А вот в совместной жизни людей она оставила свой весьма заметный след во многих вероисповеданиях с их меняющимися символами. Последовательно изучая эти совокупные трансформационные процессы, постепенно понимая алхимического символика, я разработал центральную концепцию всей моей психологии – концепцию индивидуального процесса» [16].

Обращение К. Юнга к «духовному Востоку» вовсе не означало, что он целиком и полностью подменил им всю западную культуру. Просто с помощью сокрытых там древнейших знаний он надеялся заполнить все те белые пятна, которые существовали не только в нашей культуре, но и в нас самих. Свое обращение к Востоку он считал «...символическим выражением факта, что ныне мы вступаем в связь с хоть и присущими, но все равно чуждыми нам элементами».

Концепция К. Юнга вышла из рамок философии с теологией

В одном из писем он объяснял, что *«Вы абсолютно правы, говоря, что моя работа словно “вышла из рамок философии с теологией”. Добавлю, что ее корни тоже лежат за их пределами. В моих глазах Вы обнаружили историко-духовные аналогии с Востоком – уверяю Вас, здесь нет никакой моей преднамеренности. <...> Это же не тот реальный Восток, видимый всеми на карте, а совокупное подсознание, которое вездесуще <...> Только переплыв воды своего подсознания, я смог высадиться на берега Востока. Человеку невозможно выдумать ни одну живущую в подсознании истину, но он сможет достичь их, если пойдет по извилистой тропинке, которые все народы мира ведущей на самый нижний, первобытный уровень души, называют путем посвящения» [17].*

Воспоминания

Юнг на острове Бейли, Майн, 1936. «Юнг был настоящим человеком-горой, достаточно большим, чтобы вместить в себя любого человека, которого можно себе только представить».

«Человек-гора»

Вспоминает писательница Джейн Уилрайт, бывшая в 1930-х годах пациенткой К. Юнга: *«Человек-гора, вот кем был Юнг как в прямом, так и в переносном*

смысле: высокий, крупный, статный мужчина, он воплощал в себе наверно любую личность, какую только можно себе представить. Проходя через него, все люди – от мала до велика, худышки и толстяки – обретали свою уникальность. Он очаровывал и располагал к себе буквально каждого, с кем встречался на своем пути, – временами через неумышленно оброненное слово, причем гораздо более чаще, чем помнил сам; временами своими манерами и поступками,

но главным же образом непосредственно самим собой: никак нельзя было устоять перед этим обаятельным импозантным красавцем, так чутко слушающим вас и схватывающим на лету все ваши сбивчивые объяснения. Он соединял в себе абсолютно все, начиная от величия и силы духа и заканчивая присущими всем людям слабостями и пороками. Временами становясь откровенно требовательным, запросто мог раздражиться, если что-то шло не так; нередко вспыхивал, как спичка, гневом. Некоторым бессовестным амбициозным людям даже удавалось провести и оставить его в дураках, правда случалось это весьма редко. Иногда он как бы скукоживался внутри себя и сразу начинал казаться самым обыкновенным человечешкой, в другие же разы он не помещался в комнату, невообразимо расширяясь – в психологическом, конечно, плане – до бескрайних просторов Вселенной. Мне очень хорошо запомнился один подобный случай, когда однажды я, сама будучи аналитиком, так и не смогла скрыть на лице всех своих изумленных чувств от мысли, насколько же этот великий человек недосягаем для меня, потому что в середине плавно текущего нашего разговора он вдруг совершенно неожиданно перебил меня вопросом: “Посмотрите скорее, не растут ли у меня рога на голове?” Его подсознание представляло из себя бриллиантовое созвездие всевозможных воплощений человека. Обладая этим экстраординарным даром <...> ему, как аналитику, на мой взгляд, просто не было равных» [18].

Юнг на крыльце библиотеки на острове Бейли, Майн, 1936. Остров Бейли был местом, где Юнг проводил летний семинар. Его пациент в 1930-х годах видел

в нем энергию сродни Теодору Рузвельту, а внешне он был похож более «на биржевого маклера, чем на пророка».

Жизнь в беспощадной борьбе со своим ребячеством

Барбара Ханна говорит в своих мемуарах о К. Юнге так: *«Меня всегда поражала в нем одна характерная черта: он никогда не задавал людям таких вопросов, на какие предварительно не ответил он сам. Накануне своего 60-летия он как-то признался мне, что провел всю свою жизнь в беспощадной борьбе со своим ребячеством. И чуть погодя добавил с убедительно-щемящей искренностью и сожалением, что до сих пор опасается, вдруг оно еще чуточку осталось в нем»* [19].

Научился всему на опыте пациентов

Своим пациентам, большинство из которых были женщины, он публично воздал должное: *«Я вынес для себя, сталкиваясь с личностями больных и теми психоявлениями, которые они, словно на параде, во всей красе выставляли передо мной напоказ в виде бесконечной череды образных метафор, не просто знания, а прежде всего инсайты в мою собственную натуру. Так уж получилось, что я научился всему не на своем, а на чужом опыте – на ошибках и падениях своих пациентов, в основном женщин, в массе своей добросовестно работавших со мной с чувством высокой самоответственности и исключительного понимания, благодаря чему я смог проложить новые тропки по нехоженой ранее области терапии»* [20].

А вот какое описание своих встреч с К. Юнгом оставила Элизабет Шепли Серджент: *«Чтобы попасть к нему на консультацию, нужно было сперва сесть на крошечный пароходик, доплыть до облюбованной чайками и дикими утками тихой бухточки, а затем еще добрых десять минут идти протоптанной по берегу стежкой до желтеющего вдали домика, утопавшего в зелени живописного сада. <...> Дернуть за веревочку сияющего своими боками медного колокольчика над входной дверью и <...> пройти “таможню” в виде досконального обнюхивания целой своры собак.*

Каким-то непостижимым для меня образом Йоги, любимец доктора, всегда ухитрялся проскользнуть

между моими ногами в его кабинет наверх. <...> Еще при первом моем собеседовании я сразу же обратил внимание на его сильные, выразительные руки с гностической печаткой на одном из пальцев, и как он то и дело опускал одну из них на лохматую, чуть подрагивающую спину – и внезапно поняла, что касаясь своего мокроногого красавца, живущего инстинктами, он таким образом получает для своей сверхъестественной интуиции и зондирующего ума мгновенный ответ на все поднятые проблемы, несущий успокоение не только его пациенту, но в равной степени также самому себе. А как иначе относиться к доктору, который, чуть ссутулившись и едва глядя на вас, небрежно оброненной остротой – “Да Вы, миленькая моя, прямо как яйцо без скорлупы!” – заставляет вас целую неделю мучительно ломать голову, что же на самом деле он имел в виду, говоря так?

«Типичный биржевой маклер, а вовсе не пророк»

К тому же с ним было необычайно легко и комфортно обсуждать даже самые интимные вопросы. Сосредоточенно внимая вашему рассказу и – что для меня всегда крайне важно – с четко выраженным на лице пониманием вашего состояния и всех, даже еще не высказанных до конца ваших проблем, он, грузно переваливаясь, обычно подходил к камину, шурудил там в огне и зажигал свою излюбленную трубку, соединяя этот кусок глины в одно целое со своим созерцательным духом. Когда он сидел в глубоком кресле, застыв там, попивая лишь мелкими глоточками чашку чая, то в такие минуты заставлял меня внутренне улыбаться: ну вылитый хрестоматийный профессор! Но вот когда в его глазах, спрятанных за оправленными в золотые дужки линзами, начинали плясать веселые искорки, когда он принимался мерить шагами комнату, пытаясь удержать в узде рвущуюся наружу бурлящую энергию, то почему-то сразу мне всегда на ум приходил Теодор Рузвельт, который, ожидавший в полном соответствии со фрейдовским описанием увидеть перед собою “таинственного мистика”, воскликнул в сильном изумлении: “Да Вы, оказывается, выглядите как типичный биржевой маклер, а вовсе не пророком!” В самом деле, в свои 50 лет Юнг – крепко сбитый, солидный, полный сил и энергии, юморист и скептик – вовсе не был похож на надменный ходячий памятник или белобородого ветхозаветного пророка. “Да-да, Вы абсолютно правы! – соглашался он. – Конечно, все мужчины – лжецы. Я им в этом ничуть не мешаю: они сидят у меня сколько хотят, врут с три короба, пока полностью не выдохнутся и не

начнут говорить правду, вот тут-то я начинаю их слушать". Покидая его дом, чувствуешь себя настолько духовно обогащенной и умиротворенной, словно не нагулялась по родному лесу, куда обычно приходишь обнять свою любимую березку – прижмешься к ней, задрав голову ввысь, и буквально всем телом впитываешь вливающуюся в тебя жизнь» [21].

А вот еще одно свидетельство Джейн Уилрайт: «Опустошенная, одинокая, в состоянии полной безнадёги и отчаяния, с казавшейся уже навечно потухшей и невыразительной ординарностью приехала я в Цюрих. Но именно там, в Цюрихе, наконец-то я снова обрела жизнь – и плевать, что пути моего возрождения временами поражали меня своей удивительностью и пугали сверхъестественностью» [22].

Индивидуальный процесс

«Наше сознание – это далеко еще не вся душа»

«Люди, – заметил однажды К. Юнг, – почему-то предпочитают жить всего лишь на одном-двух этажах небоскреба своего ума, напрочь забывая про десятки остальных». Индивидуальный процесс призван открыть перед нами двери всех этих необжитых этажей. Наше «Я», наше сознание – это далеко еще не вся душа. Есть еще безграничные подсознательные уровни, работающие без нашего ведома, с пользой прогулявшись по которым можно значительно расширить и углубить познания о самих себе и о жизни. Всезнающий гид, мудрый наставник, друг и советчик нашему сознанию – вот в каких качествах успешно зарекомендовало себя подсознание, говоря с нами, как правило, в снах на языке символов.

Мир подсознания амбивалентен

Заглянуть внутрь самих себя – это значит заняться поиском знаков и символов подсознательных снов, спонтанных и естественных для нас. Дальнейший анализ, объяснение и синтез всего найденного – этим уже занимается наша сознательная личность. Мир подсознания по существу амбивалентен: на всех его уровнях вместе уживаются как положительные, так и негативные аспекты, что весьма затрудняет его понимание; к тому же достаточно часто он начинает восприниматься нами именно с негативной стороны в виде, к примеру, скуки, стагнации в жизни, ударов по эго и душевных ран.

Познавая «сумрак» подсознания

«Сумрак» – так назвал К. Юнг тот самый первый пласт, на который мы сразу же натываемся в своем подсознании. Как правило, это самые противные, самые нелюбимые части нашей природы, которых мы не знаем или не хотим знать. Обычно мы подавляем в себе этот

сумрак, до поры до времени зреющий как раковая опухоль, или же мысленно проецируем его на других людей в виде тех качеств, которые больше всего не нравятся в человеке. Негативный сумрак выявляет наши недостатки, что дает возможность преодолеть их. Позитивный показывает наши выразительные стороны, которые нам следует осознать и прожить в жизни. К. Юнг по себе знал, насколько сложен и труден каждый из этих путей.

«Предвижу, как закачаете Вы сейчас недоверчиво головой, прочтя слова: только очень невероятными усилиями мне удалось выработать концепцию сумрака, до этого не имевшего своего бытия понятия, благодаря которому я приобрел бесценный опыт отношений не столько с другими людьми, сколько, главным образом, с самим собой. <...>

Мой сумрак оказался настолько велик, что не было никакой возможности, ничего не заметив, пройти мимо него; по сути, я должен был заглянуть на него как на необходимую и неотъемлемую часть своей личности, что и сделал, неся полную ответственность за все последствия осознания этого факта. Ведь не единожды горькие обстоятельства показывали мне, что несмотря на покаяние, некогда сделанный грех не исчезает, а вновь проявляется во мне. Ни за что поэтому не поверю в тигра, полностью обратившегося в вегетарианство и ставшего питаться одними яблоками. Но моим утешением всегда был Поль, не считавший ниже своего достоинства признавать свою греховность» [23].

Проблемы
и радости
познания сумрака

Психотерапевт Элизабет Хоувз делится своим личным впечатлением от бесед с К. Юнгом: *«Этот человек действительно признал существование сумрака <...>, что принесло не только лишние проблемы и напряжения, но и живость, неподдельность и насыщенность глубины бытия» [24].*

Но вот как сам К. Юнг объяснился в одном из писем: *«Если, говоря языком искусства, открытый мною “сумрак” я называю всего лишь удачно сделанным эскизом, то выделение анимы – великолепным шедевром, правда, еще не завершенным» [25].*

Сквозь сумрак –
к аниме и анимусу

Только через полное познание верхнего пласта нашего подсознания, сумрака, мы сможем достичь лежащего под ним второго – анимы, женского образа внутри мужчины, или анимуса, мужского облика в женщине.

«Анима – это такой образ в душе у мужчины, который в его снах и фантазиях олицетворяется какой-нибудь женской фигурой, символизирующей функцию

взаимоотношений. Анимус – метафора духовных сил в женщине, выраженная мужской фигурой. Если мужчина или женщина не сознают и не замечают этих своих внутренних сил, то они проявляются в проекции» [26].

На аниме сказывается и положительный, и отрицательный опыт общения с матерью, на анимусе – с отцом. Анимные фигуры могут ранжироваться по очень широкому спектру, начиная от какой-нибудь грубой бабы-торгашки и заканчивая романтизированной красотой, даже Девой Марией как воплощением одухотворенности или богиней мудрости, служащей посредником ко внутреннему миру. Анимусные метафоры могут олицетворяться силачом-Тарзаном, поэтом-романтиком, героем фильма, государственным деятелем или мудрым многоопытным проводником, показывающим дорогу к духовным сокровищницам.

«Где-то внутри меня сидит призрак, под дудочку которого пляшет вся моя жизнь»

Случаем писательницы Маргарет Флинтерз К. Юнг занимался в самый разгар выработки анима/анимус терминологии своей психологии. Вот как она сама описывает работу с ним, представ в первую встречу перед его очами потерянной женщиной, оторванной от мужа, семьи, работы и всего остального мира: *«Опустить меня на землю <...> вот что тогда мне требовалось, и он просто блестяще справился с моей проблемой. До сих пор не понимаю, как это ему удалось сделать. Ну, в первых, наверно помогла его такая крестьянско-земная основательность натуры, что ли, давшая мне уверенность, что наконец-то я впервые в жизни повстречала настоящего мужчину – да по сравнению с ним все остальные казались каким-то бесплотным существом. А, во-вторых, он показал мне – и я увидела это – что где-то внутри меня сидит призрак, под дудочку которого пляшет вся моя жизнь. Да-да, тот самый, которого впоследствии он назовет анимусом, архипичным анимусом – фигурой отца всей вашей натуры. Мой родной отец – а он был просто чудовищным перфекционистом – избегал всего, что не соответствовало наилучшим стандартам и, разумеется, в наследство от него я тоже заразилась тем же самым. В итоге мужа своего считала крайне далеким от нарисованного в душе идеала, свой литературный стиль – графоманским, и вечно боялась, что мой ребенок растет не уникалом, а самым обыкновенным, ничем не отличаюсь от других детей. Я не совсем ясно понимаю, что случилось – своего рода трансфер, что ли – но теперь уже Юнг стал олицетворением этой отцовской фигуры, причем намного более толерантной и гораздо менее*

придирчивой. Вся моя неизрасходованная любовь к родному отцу обрушилась на него всей своей силой, что он нашел – я знаю – чертовски мешающим лечению. Да уж, мой случай должен был стать для него ужасным испытанием» [27].

«Человеческие возможности уходят прямо в царство души»

В «*Civilization in Transition*» К. Юнг писал, что «человеческие возможности уходят прямо в царство души, в эту расположенную между духом и здравым смыслом промежуточную реальность, что содержит элементы обоих, не теряя при этом ни грамма своей собственной уникальности. В этом царстве мужчина просто обязан рисковать, если хочет достичь компромисса с женщиной. Ведь обстоятельства вынудили ее обзавестись рядом характерных мужских черт и особенностей, что позволяет ей, уйдя от старомодной, исключительно инстинктивной женственности, не чувствовать себя потерянной и одинокой в мире мужчин. Вот и мужчина тоже будет вынужден развить в себе женские аспекты, открыв тем самым глаза на душу и Эроса. Ему никак не избежать этого <...>» [28].

Дорожка вглубь себя лежит через сны

Дорожка вглубь себя лежит в основном через сны, характеризующие К. Юнгом как «... невидимые корни мыслей нашего сознания».

В разговоре с Лоренсом ван дер Постом он признался, что прежде чем начать подводить под сны теорию, ему предварительно пришлось проанализировать порядка 67 тысяч сновидений своих пациентов и добровольных помощников. «Сны, – говорил он, – полны-полненьки самыми разнообразными сведениями», «... конкретными выражениями нашего подсознания», которые «...однозначно несут в себе скрытый смысл». Сны – это та арена, на которой подсознание стремится выступить в роли сознания, индивидуально говоря с каждым из нас языком понятных всему человечеству символов. Тот, кто видит сон, тот и держит в руках свой личный «ключ» к его разгадке. Способность человека устанавливать контакты со своим подсознанием является неотъемлемой частью его целостности.

Сны приходят к нам с самых разных пластов души

Сны приходят к нам с самых разных пластов души, показывая либо то, что подсознательно впало в себя где-то там в глубине, либо то, что сознание вытолкнуло на макушку подсознания. Они много чего могут поведать нам про нас самих, про других людей или про любое событие. Рассказать о прошлом и о будущем. Раскрыть нам креативные идеи или зачатки наших будущих эмоциональных состояний души.

Кроме этого, есть так называемые архетипные «сны большого значения» совокупного подсознания, весьма часто построенные на религиозной или мифологической символике с насыщенным оттенком. Если долгое время наблюдать за меандровым узором снов человека, то потихоньку можно выявить его последовательный психический рост, служащий отличительным признаком индивидуационного процесса, и проследить, как это внутреннее развитие человека плавно проявляется в его сознательной жизни в виде более богатой и зрелой личности.

Метод активного воображения

Активное воображение – название метода, изобретенного К. Юнгом для активации и дальнейшего развития увиденных во сне или грезах образных метафор. Смысл его заключается в том, что человек без какой-либо определенной цели или программы начинает образно размышлять над всеми намеками, вброшенными подсознанием в его голову.

«Первоначальный вопрос <...> следует сформулировать так: “Кто, а быть может Что ожило во мне?” <...> “Кто или Что ворвалось в мою психическую жизнь и творит там беспорядки, желая быть услышанным?” Подождать, пока уляжется внутреннее эхо, и добавить: “Отвечай!”, затем следует включить свое беспрестанно галдящее шумное сознание и спокойно вслушаться в себя, следя за проносящимися перед внутренним взором образами и одновременно стараясь разобрать те слова, которые пытаются воспроизвести мускулы речевого аппарата. Запишите их аккуратно, отбросив в сторону всякую критику вкупе со скепсисом. Неважно, умеете ли вы рисовать, нет ли, но постарайтесь зарисовать, как можете, все эти образы.

Воплотив таким образом в материальном виде хотя бы не все, а только фрагменты своих увиденных метафор, вы уже смело можете приниматься за их рассмотрение. Но Боже упаси вас сразу же все раскритиковать в пух и прах! Возникли вопросы? Отложите их на пару дней, подсознание само с ними разберется. И ни в коем случае не удовлетворяйтесь только лишь одними своими толкованиями, будь вы хоть трижды умницей <...>

Вот примерно по такой методике работайте со всеми остальными своими зарисовками. Старайтесь как можно чаще возвращаться к ним; желательно ежедневно развивать дальше все то, что не удовлетворило вас накануне. Самое важное при этом – отдать всю инициативу своему подсознанию» [29].

«Самое разумное – не терять здравого смысла»

Но он сам же и предупреждал: *«Какие не были бы жизненные обстоятельства, всегда помните, что самое разумное – не терять здравого смысла и ко всему подходить трезво. Никогда не забывайте про это! Ибо это гарантия того, что вы не потеряете себя, бороздя неизведанные воды внутри, в противном случае сами заметите, как неминуемо заболеваете. Однако учтите, что жизнь подобна айсбергу: лишь небольшая ее часть плавает на поверхности нашего сознания, поэтому до определенного предела можно смело внимать нерациональным аспектам нашего бытия. <...>*

Подсознание само по себе – не зло, не пагуба, не коварная ловушка. Оно – сама Природа, прекрасная и ужасная <...>, творчество – вот через что лежит самый лучший путь работы со своим подсознанием <...>» [30].

«Нет никакого смысла вплоть до последней капли отдавать всего себя этому <...> Просто держите всегда себя в руках, уделяя достаточное внимание нашей реальности» [31].

Играя по предлагаемым жизнью правилам

Активное воображение, сны, анима/анимус, сумрак – все это названия тех станций, проезжая которые на нашем долгом пути, мы все ближе приближаемся к конечному пункту – к принятию самих себя таковыми, каковыми являемся на самом деле, к жизни полноценной личностью. Вот это нижеследующее письмо от своего бывшего пациента К. Юнг неоднократно цитировал в качестве примера «...самых простых и подходящих резюмирующих слов»: *«Много чего дурного поменял я на хорошее. Сохраняя спокойствие, ничего не подавляя и не сдерживая в себе, включив всю свою внимательность и принимая все вещи как они есть, а не так, как хотел, чтобы они были – вот каким способом достиг я самых необыкновенных знаний, но не только их, а еще и кучу волшебных способностей, о которых даже никогда не смел мечтать раньше, когда полагал, что мы подавляемся всем принимаемым от жизни. А оказалось, что это вовсе не так! Оказалось-то, что именно принимая что-либо, мы сами определяем свою позицию к нему. Ныне же я всецело играю по предлагаемым жизнью правилам, рецептивно относясь ко всему, что бы не пришло ко мне, будь то добро или зло, солнце или сумрак, что вечно сменяют друг друга, ну заодно, конечно же, со всеми своими плюсами и минусами принимаю самого себя, любимого. Как сразу все ожило вокруг меня, какими сочными заиграло красками! Какой же я был болван, когда пытался заставить все идти так, как, думал, следовало идти вещам» [32].*

Называя эту позицию «духовной в наивысшем смысле», К. Юнг всегда уточнял, что «... только сперва прочно утвердившись на ней, человек приобретает возможность достичь более высокого уровня сознания и культуры» [33].

«Зло сидит непосредственно в нас самих»

«Терпеливо выносить все свои противоположности – только этим мы по-настоящему сможем раскрыть свою человеческую правду для полноценной жизни. <...> Следует понять, что зло сидит непосредственно в нас самих; что чтобы начать так жить, нужно рискнуть жизнью, вот только тогда она окрасится в яркие цвета, а иначе с тем же успехом можно было бы почитать книжку на диване <...>» [34].

Необходимость стойкого перенесения противоположностей

«Опус состоит из трех частей: инсайта, сопротивления и действий <...> К сожалению, противоречия весьма сильно ослабляют сопротивление и значительно препятствуют деятельности. Но человеку нужно жить, жить одному, другому, всем людям! Поэтому не может быть никакого другого решения, кроме как терпеливого и стойкого перенесения своих противоположностей, которые, в конечном счете, растут из вашей собственной натуры. Вы сами собою представляете одно сплошное противоречие, что свирепствует против себя же в самом себе с одной единственной целью – расплавить в огне страданий эти две несовместимые свои сущности, мужскую и женскую, и уже сплавом отлить их в новую неизменяемую форму... Вот цель нашей жизни. <...> Пока расплавленный металл не застынет и не воплотится в этой третьей, все совмещающей ипостаси, мы так и будем маяться между первыми двумя, подвергая себя просто невообразимым мукам» [35].

Self – собственно личность человека

Эта «третья, все совмещающая ипостась», что образуется в самых сокровенных уголках души, – своеобразный организационный центр, включающий в себя, но не определяемый эго; трансперсональная, трансцендентная сущность, которую К. Юнг назвал «Self», то есть собственной личностью человека. Встреча с Self кладет завершение индивидуационному процессу.

В женских снах Self может олицетворяться соответствующей фигурой жрицы, например, или матери, или богиней любви; в снах у мужчин – фигурой гуру, мудреца, духа природы. Также этот психический образ трансцендента может воплотиться в виде инопланетянина, пары божеств или королевской четы; в виде некоего лица, зараз и женского и мужского, и старого и молодого, даже животным, кристаллом, камнем или ман-

Self – «круг, чей центр везде, а окружность – нигде»

долгой. Но кем или чем ни был бы этот символ, он означает завершенную целостность.

В своей концепции Self К. Юнг цитировал слова св. Боновентуры: «Круг, чей центр везде, а окружность – нигде».

В письме к пастору Уолтеру Бернету он выразился более пространно: *«Конечная цель, по-видимому, превосхищается архетипными символами, смысл которых состоит в постепенно сужающихся круговых хождениях вокруг нее. Чем ближе к центру, тем сильнее соответствующая депотенциация эго – так сказывается влияние “пустого” центра, который, разумеется, не идентичен архетипу, но является тем, на что тот указывает. Любой китаец скажет вам, что архетип – это всего лишь имя Тао, а не сам Тао. По аналогии с иезуитами, переводившими имя “Тао” как “Бог”, так и мы можем назвать “пустоту” этого центра “божеством”. В этом смысле пустота не означает “отсутствие” или “свободное место”, а нечто тайное и неизвестное, наделенное невообразимой яркостью и глубиной. <...> Self, вот как называю я это неизвестное. <...> Весь ход индивидуационного процесса – диалектический, а так называемый эго “конец” является ничем иным как конфронтацией эго с “пустотой” центра» [36].*

«В Self случается все самое необходимое и ценное, – говорил К. Юнг. – При этом эго принимает все выходящее из Self, смотрит и передает дальше, функционируя таким образом соответственно в роли приемника, зрителя и передатчика» [37]. «Раскрепощенная воля свободно и радостно делает все то, что и должна делать» [38]. Именно Self придает эго внутреннюю силу для креативного возрождения жизни.

Дуализм Self

Self, однако, подобно всей жизни тоже имеет свои дуальные аспекты, наихудшее проявление которых выливается, как правило, в мегаломанию или одну из форм одержимости. И если одновременное проживание в двух мирах является вполне естественным состоянием гармонично развивающегося человека, то тем не менее такое положение дел налагает на него серьезную ответственность по сохранению баланса между своими внешней и внутренней реальностями.

«Если можете оставаться аккурат посередине, зная, что вы – человек, тесно связанный с Богом и тварью Бога, то вы в абсолютном порядке. Всегда помните, что над тварью – бог, с Богом над богом твари» [39].

(Продолжение следует)

1. *Jung C.C.* Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 67.
2. *Last Years*, Jaffé, po. cit., p. 167.
3. *Jung C.C.* Letters Volume 2, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 323. Letter to Henry A. Murray.
4. *Ibid.* P. 316. Letter to Elined Kotschnig.
5. *Ibid.* P. 474. Letter to A. Tjoa and R.H. CJanssen.
6. *Jung C.C.* Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 39.
7. *Ibid.* P. 17.
8. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. – P. 240.
9. *Ibid.* P. 247–248, 251–252.
10. *Ibid.* P. 255–256.
11. *Ibid.* P. 224–226, 237.
12. *The Freyd/Jung Letters*, edited by William McGuire. London: Hogarth Press and Routledge and Kegan Paul, 1974. – P. 294.
13. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. – P. 340.
14. *Jung C.C.* Speaking, edited by William McGuire and R.F.C. Hull. London and New York: Thames and Hudson, 1978. – P. 348.
15. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. – P. 205.
16. *Ibid.* P. 209.
17. *Jung C.C.* Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 87. Letter to A. Vetter.
18. *Jung C.C.* Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 97.
19. *Jung*, Hannah, op. cit. P. 74.
20. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. – P. 145.
21. *Jung C.C.* Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 51–52.
22. *Ibid.* P. 98.

23. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. – P. 276–277. Letter to Theodor Bovet.

24. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 120.

25. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 481. Letter to Traugott Egloff.

26. *Ibid.* P. 402. Letter to Anonymous.

27. *Jung: Man and Myth* by Vincent Brome. London: HarperCollins. P. 212–213.

28. The Collected Works of C.C. Jung. London: Routledge and Kegan Paul. T. 10, “Civilization in Transition”. P. 125.

29. *Jung C.C. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 82–83. Letter to Count Hermann Keyserling.

30. *Ibid.* P. 108–109. Letter to Anonymous.

31. *Ibid.* P. 239. Letter to Anonymous.

32. The Secret of the Golden Flower, translated by Richard Wilhelm. London: Routledge and Kegan Paul, 1974. – P. 126.

33. *Ibid.*

34. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 111–112.

35. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 375. Letter to Olga Frobe-Karteyn.

36. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 258–259. Letter to Pastor Walter Bernet.

37. *Jung C.C. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 236. Letter to Aniela Jaffé.

38. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 119.

39. *Ibid.* P. 112.

